

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Звонок
в дверь

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Звонок в дверь

«Азбука-Аттикус»

1965

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Звонок в дверь / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1965 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-20790-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Рейчел Брунер просит Вулфа оградить ее от преследования всемогущего ФБР. Гудвин, настроенный скептически, пытается отговорить своего шефа, но Вулф, преисполненный энтузиазма, решает иначе и берется расследовать нераскрытое убийство двухмесячной давности, в котором замешаны сотрудники ФБР, однако настоящей задачей Вулфа является не раскрытие убийства, а отпор зарвавшемуся ФБР...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20790-5

© Стаут Р. Т., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рекс Стаут Звонок в дверь

Rex Stout

A RIGHT TO DIE

Copyright © 1964 by Rex Stout

THE DOORBELL RANG

Copyright © 1965 by Rex Stout

DEATH OF A DOXY

Copyright © 1966 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой, Александра Санина

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© А. В. Санин, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Глава 1

Поскольку это стало решающим фактором, я, пожалуй, начну прямо с него. Это была розовая полоска бумаги шириной три дюйма и длиной семь дюймов, где говорилось, что Первый национальный городской банк обязан выплатить по требованию Ниро Вулфа сто тысяч долларов ноль-ноль центов. И подпись: Рейчел Брунер. Чек лежал там, где миссис Брунер его и оставила: на письменном столе Вулфа. Положив чек, миссис Брунер вернулась в красное кожаное кресло.

Явившись сразу после шести вечера, она провела у нас уже полчаса. Так как секретарь позвонил договориться о встрече всего три часа назад, я толком не успел навести о ней справки, хотя меня вполне устраивало и то, что вдова унаследовала все недвижимое имущество Ллойда Брунера. По крайней мере восемь из нескольких десятков зданий, которые оставил ей Брунер, насчитывали больше двенадцати этажей, а одно можно было легко увидеть из любой точки города, а именно с севера, востока, юга и запада. Положа руку на сердце, все, что мне было нужно, – это позвонить Лону Коэну в «Газетт» и поинтересоваться, нет ли информации не для печати о ком-то с фамилией Брунер. Однако я сделал еще пару звонков: вице-президенту нашего банка и адвокату Натаниэлю Паркеру. Впрочем, от вице-президента я ничего толком не добился.

– Ах... надо же, как любопытно... – начал он и замолчал.

Я поинтересовался, что такого любопытного он тут нашел.

– Да нет, ничего особенного. Мистер Абернати, наш президент, получил от нее книгу...

– Какую такую книгу?

– Это... уже не помню. С вашего позволения, мистер Гудвин, мне очень некогда.

Итак, когда я, услышав звонок, открыл дверь старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, впустил посетительницу и проводил в кабинет, я знал лишь то, что она прислала мужчине какую-то книгу. Усадив миссис Брунер в красное кожаное кресло, я положил на диван ее шубу из соболя, точную копию той, за которую моя приятельница отвалила восемнадцать штук, сел за свой письменный стол и внимательно оглядел нашу гостью. Миссис Брунер была слегка маловата ростом и чуть полновата, чтобы считаться элегантной даже в коричневом шерстяном платье от Диора; лицо ее напоминало полную луну, но вот вопросов к темно-карым глазам, взгляд которых она устремила на Вулфа, спрашивая, нужно ли ей представляться, у меня не возникло.

Вулф смотрел на посетительницу без особого энтузиазма. Вся беда в том, что начался новый год, и Вулф, похоже, собирался взяться за работу. В ноябре или декабре, когда нам уже определили налоговую категорию, согласно которой налогом облагается три четверти – официально больше – любого дополнительного дохода, Вулф практически отказывался от любой работы, но так как январь – это уже совсем другая история, а на календаре было пятое января, клиентку решили оставить. Что Вулфу решительно не понравилось.

– Мистер Гудвин уже вас представил, – холодно заявил Вулф. – К тому же я читаю газеты.

– Знаю, – кивнула посетительница. – Я много чего о вас знаю. Потому-то я и здесь. Мне нужно, чтобы вы сделали то, что никто другой в мире не способен сделать. Вы читаете не только газеты, но и книги. Вы читали книгу под названием «ФБР, которого мы не знаем»?

– Да.

– Тогда нет нужды о ней рассказывать. Книга произвела на вас впечатление?

– Да.

– Хорошее?

– Да.

– Боже мой, а вы немногословны!

– Я ответил на ваши вопросы, мэм.

– Знаю, что ответили. Впрочем, я тоже умею быть немногословной. Эта книга произвела на меня впечатление. И настолько сильное, что я купила десять тысяч экземпляров и разослала разным людям по всей стране.

– Разумеется. – Вулф поднял бровь на одну восьмую дюйма.

– Да. Я послала членам кабинета министров, судьям Верховного суда, губернаторам всех штатов, всем сенаторам и членам нижней палаты, законодателям, издателям газет и журналов, редакторам, главам корпораций и банков, руководителям массмедиа и теле- и радиокompаний, репортерам, окружным прокурорам, преподавателям и многим другим... ах да, еще шефам полиции. Вам объяснить, что мной двигало?

– Нет уж, увольте.

Ее темно-карие глаза сердито вспыхнули.

– Мне не нравится ваш тон. Я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали. Я заплачу максимальный гонорар и даже более того. Моя благодарность будет безгранична, а иначе не имеет смысла все это затевать. Вы вроде говорили, книга произвела на вас хорошее впечатление. Вы согласны с мнением автора о ФБР?

– Да, хотя и с некоторыми оговорками.

– А о Дж. Эдгаре Гувере?

– Да.

– Тогда вас не слишком удивят мои слова о том, что за мной день и ночь ходят по пятам. Мне кажется, тут вполне подойдет слово «хвост». То же кажется и моему сыну, моей дочери, моему секретарю и моему брату. Мои телефоны прослушиваются, и, по мнению сына, его тоже. Сын женат, у него своя квартира. Некоторых служащих «Брунер корпорейшн» допросили. Штаб-квартира корпорации занимает два этажа Брунер-билдинг и насчитывает более сотни служащих. Вас это удивляет?

– Нет, – буркнул Вулф. – А вы приложили к книгам письма?

– Не письма. Свою визитную карточку с коротким сообщением.

– Тогда вы не должны удивляться.

– Но я удивляюсь. И удивлялась. Я ведь не конгрессмен, не редактор, не радио- или телеведущая, не университетский профессор – короче, я не тот человек, который боится потерять работу. Неужели этот безумец с манией величия думает, будто может мне навредить?

– Пф! Он вас донимает.

– Нет. Скорее, раздражает. Кое-кого из моих знакомых и близких друзей уже допросили. Естественно, очень осторожно, естественно, с извинениями. Все началось две недели назад. Полагаю, мои телефоны поставили на прослушку около десяти дней назад. Мои адвокаты говорят, что пока не видят способов положить этому конец, хотя обещали подумать. Это одна из крупнейших и лучших фирм Нью-Йорка, но даже они боятся ФБР! Они не одобряют мой поступок, говорят, посылать книги было «опрометчиво» и это «донкихотство». Впрочем, меня не волнует, что они говорят. Когда я читала эту книгу, то была в ярости. Я позвонила в издательство, и они отправили ко мне своего человека. Он сказал, что им удалось продать менее двадцати тысяч экземпляров. И это в стране с населением двести миллионов человек, из которых двадцать шесть миллионов голосовали за Голдуотера! Сперва я хотела оплатить рекламу книги, однако потом решила разослать ее нужным людям и даже получила сорокапроцентную скидку. – Она сжала пальцы на ручках кресла. – И вот теперь он меня здорово раздражает, и я хочу его остановить. Хочу, чтобы вы его остановили.

– Абсурд, – покачал головой Вулф.

Миссис Брунер потянулась к приставному столику за коричневой кожаной сумкой, вынула чековую книжку и ручку, после чего не спеша заполнила чек. Причем сперва корешок.

Очень аккуратно. Методично. Затем вырвала чек, встала с места, положила чек на стол Вулфа и вернулась к своему креслу.

– Здесь пятьдесят тысяч долларов. Это только аванс. Как я уже говорила, моя благодарность будет безгранична.

Вулф даже не потрудился взглянуть на чек.

– Мэм, я не чудотворец и не круглый дурак. Если за вами установлена слежка, значит вас проследили до этого дома, сделав однозначный вывод, что вы явились сюда предложить мне работу. Возможно, мой дом уже под наблюдением, а если нет, то его установят, как только станет известно, что у меня хватило глупости согласиться на ваше предложение. – Вулф повернулся ко мне. – Арчи, сколько топтунов в Нью-Йорке?

– О-хо-хо... – Я задумчиво поджал губы. – Точно не знаю, возможно, человек двести. Они приходят и уходят.

Вулф повернулся к посетительнице:

– А у меня только один. Мистер Гудвин. Лично я никогда не покидаю дом по рабочим делам. Это было бы...

– У вас еще есть Сол Пензер, Фред Даркин и Орри Кэтер.

В обычное время то, что она так легко назвала имена наших детективов, наверняка произвело бы на Вулфа впечатление, но не сейчас.

– Я не могу просить их брать на себя такой риск. И вряд ли могу требовать этого от мистера Гудвина. Что в любом случае будет бесполезно и глупо. Вы говорите, «остановите его». Выходит, по-вашему, я должен заставить ФБР перестать вам докучать?

– Да.

– Интересно как?

– Не знаю.

– Я тоже, – покачал головой Вулф. – Нет, мэм. Вы сами напросились. Я отнюдь не утверждаю, что не одобряю ваш поступок, но вполне согласен с вашими юристами, что это донкихотство. Дон Кихот страдал и вам велел. Они не будут следить за вами целую вечность, и, как вы сами изволили выразиться, вы не конгрессмен и не наемный работник, который боится потерять свою работу. И все же не советую вам продолжать рассылать книги.

– А мне казалось, вы никого и ничего не боитесь, – закусил губу миссис Брунер.

– Боюсь? Я не боюсь, а просто избегаю ошибок.

– Но никто другой в мире не способен этого сделать.

– Тогда вы в безвыходном положении, – заметил Вулф.

Миссис Брунер открыла сумочку, достала чековую книжку и ручку, снова заполнила чек, сперва, как и раньше, корешок, затем подошла к письменному столу Вулфа, заменила старый чек на новый и вернулась на место.

– Здесь сто тысяч долларов. Аванс. Я оплачу все накладные расходы. Если вы добьетесь успеха, то сами определите размер своего гонорара, и это помимо аванса. Если ничего не получится, сто тысяч остаются у вас.

Вулф взял чек, внимательно на него посмотрел, положил обратно, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Хорошо зная Вулфа, я понимал, что сейчас он думает явно не о работе. Как он правильно выразился, это абсурд. Нет, он обдумывал тот замечательный факт, что со ста штуками в кассе уже сейчас, пятого января, он сможет валять дурака до конца зимы, затем всю весну, а возможно, и все лето. Сможет прочитать сотню книг, вырастить тысячу орхидей. Райское блаженство. Уголок его рта слегка приподнялся, что у Вулфа означало широкую улыбку. Он явно наслаждался. Полминуты – это нормально, мечтать не вредно, но, когда прошла целая минута, я громко кашлянул.

Вулф открыл глаза и выпрямился:

– Арчи? У тебя есть предложение?

Похоже, его здорово зацепило. Он явно мог связать себя обязательствами, по крайней мере отчасти, что в никакие ворота не лезло. Лучшим способом предотвратить катастрофу было выпроводить отсюда миссис Брунер, причем как можно скорее.

– Пока нет. Никаких предложений. Хотя есть одно замечание. Вы сказали, если за ней был хвост, ее проследили до нашего дома. Но если ее телефон прослушивается, им не стоило трудиться, потому что они слышали, как секретарь договаривался о встрече.

– За моим домом действительно следят? – нахмурился Вулф.

– Не исключено. Хотя, возможно, все не так плохо, как кажется. Конечно, она не станет специально сгущать краски, но...

– Я отнюдь не сгущаю краски, – оборвала меня миссис Брунер.

– Ну конечно же нет. – Я посмотрела на Вулфа. – Люди, не привыкшие к тому, чтобы их раздражали, легко раздражаются. Мы можем прямо сейчас проверить наличие слежки. – Я повернулся к посетительнице. – Миссис Брунер, вы приехали сюда на такси?

– Нет. Меня ждет автомобиль с водителем.

– Отлично. Я провожу вас на улицу, подожду, пока вы не уедите, и посмотрю, что будет. – Я поспешно встал с места. – Мистер Вулф сообщит вам завтра о своем решении. – С этими словами я направился к дивану за шубкой из соболя.

Это сработало, но ей не понравилось. Ведь она пришла нанять Ниро Вулфа, а потому еще битых пять минут тянула резину, однако, поняв, что лишь действует Вулфу на нервы, встала с кресла и позволила мне помочь ей одеться. Ничего не скажешь, миссис Брунер была хорошо подкована. Зная, что Вулф терпеть не может телесных контактов, она не стала протягивать ему руку, но, когда я проводил ее до крыльца, наградила меня теплым рукопожатием, быстро сообразив, что решение будет зависеть и от меня тоже. Заметив на семи ступеньках крыльца капельки льда, я взял миссис Брунер под локоток и помог спуститься на тротуар, где ее уже ждал водитель, услужливо распахнувший дверь автомобиля. Перед тем как сесть в машину, она, скосив на меня свои темно-карие глаза, сказала:

– Благодарю вас, мистер Гудвин. Вы получите отдельный чек. Выписанный лично вам.

Водитель не стал подсаживать миссис Брунер. Очевидно, она предпочитала обходиться без посторонней помощи. Похоже, она не относилась к числу тех зрелых вдовушек, которым нравилось ощущать поддержку сильной мужской руки. Когда дама села в салон, а водитель, заняв свое место за рулем, укатил, в тридцати ярдах от нас, ближе к Девятой авеню, зажглись передние огни и заурчал двигатель какой-то машины, которая сразу же поехала следом. На переднем сиденье сидели двое мужчин. Задержавшись на крыльце и вконец продрогнув на холодном январском ветру, я проводил вторую машину взглядом. Она тоже свернула на Десятую авеню, что было ужасно смешно. И я от души рассмеялся, но, перед тем как войти в дом, снова принял серьезную мину.

Вулф сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, на сей раз без тени улыбки на губах. Когда я подошел к письменному столу, Вулф слегка приподнял веки. Я взял со стола чек и внимательно его изучил. Мне еще не доводилось видеть чека с такой кругленькой суммой – сто тысяч, хотя я видал суммы и покрупнее. Положив обратно чек, я сел за свой стол, нацарапал на листке блокнота регистрационный номер машины сопровождения, развернул к себе телефон и позвонил одному госслужащему, которому в свое время оказал неоценимую услугу.

Когда я продиктовал номер машины, он сказал, что это, возможно, займет час, и я ответил, что буду ждать с нетерпением.

Положив трубку, я услышал голос Вулфа:

– Ну как, много шума из ничего?

Я развернулся в его сторону:

– Нет, сэр. Ей реально угрожает опасность. В квартале от нас действительно была припаркована машина, а в ней два человека. Они завели двигатель, сразу как «роллс-ройс» свернул на Десятую авеню. И практически сели ему на хвост, причем даже не особо прятались, хотя явно перестарались. Если бы «роллс» резко затормозил, они непременно в него врезались бы. Миссис Брунер на самом деле грозит опасность.

– Гррр! – проворчал Вулф.

– Да, сэр. Совершенно с вами согласен. Вопрос лишь в том, кто это такие. Если это частная инициатива, мы, возможно, сумеем заработать сто штук. Но если это действительно федералы, ей придется и дальше терпеть, как вы изволили выразиться. Мы все узнаем через час или около того.

Вулф бросил взгляд на настенные часы. Без двенадцати семь. Затем посмотрел на меня:

– Мистер Коэн у себя в редакции?

– Скорее всего, да. Он обычно уходит около семи.

– Пригласи его к нам на обед.

Очень хитро. Если я скажу, что не стоит, поскольку это абсурд, Вулф ответит, что я должен понимать необходимость поддерживать хорошие отношения с мистером Коэном – я, естественно, все понимал – и что он, Вулф, не видел мистера Коэна больше года, а это было чистой правдой.

Я развернулся, пододвинул к себе телефон и набрал номер.

Глава 2

В девять вечера мы уже снова сидели в кабинете, Лон – в красном кожаном кресле, а мы с Вулфом – за своими письменными столами. Фриц подавал нам кофе с бренди. Полтора часа в столовой напротив по коридору прошли в теплой дружеской обстановке. На обед котлетки из моллюсков в соусе чили, говядина по-бургундски, кабачок со сметаной и укропом, авокадо с водяным крессом и черным грецким орехом и сыр «Лидеркранц». Говорили о состоянии профсоюзного движения, о состоянии женских умов, съедобности запеченных устриц, структурной лингвистике и ценах на книги. Беседа приобрела особенно жаркий характер, когда речь зашла о состоянии женских умов. Впрочем, Лон поднял эту тему специально, чтобы завести Вулфа. Глотнув бренди, Лон бросил взгляд на часы:

– Если не возражаете, давайте перейдем к делу. Мне нужно кое-куда заехать в десять вечера. Понимаю, вы не ждете платы за обед, однако я хорошо знаю, что обычно, когда вы хотите что-то дать или получить, Арчи просто звонит или заскакивает ко мне. Следовательно, у вас особый случай. Наверняка просто фантастический, раз уж вы выставили свой особый бренди.

Вулф взял со стола листок из блокнота, хмуро посмотрел на него и положил обратно. Этот листок я оставил там полчаса назад. Во время обеда позвонил мой знакомый госслужащий, чтобы сообщить нужную мне информацию, и, прежде чем вернуться в столовую, я, написав на листке: «ФБР», положил его на письменный стол Вулфа. Полученная информация, естественно, не способствовала улучшению аппетита. Если бы миссис Брунер ошибалась насчет хвоста, дело могло бы иметь неплохие перспективы лично для меня в виде чека на мое имя.

Сделав глоток кофе, Вулф поставил чашку:

– У меня осталось еще четырнадцать бутылок.

– Боже мой! – Лон втянул в себя запах бренди.

С Лоном вот такая интересная штука. Лон, с залезшими назад волосами, туго обтянутым кожей маленьким аккуратным лицом, внешне не представлял собой ничего особенного, однако везде выглядел уместно: и в своем кабинете на двенадцатом этаже здания «Газетт», через две комнаты от углового кабинета издателя, в клубе «Фламинго», танцующим с какой-нибудь куколкой, за карточным столом в квартире Сола Пензера, с которым мы играли в покер. Или нюхающим бренди пятидесятилетней выдержки.

– Все, что угодно. Любой каприз за ваши деньги.

– На самом деле, – начал Вулф, – тут явно не особый случай. И уж точно не фантастический. Итак, вопрос первый: вам известно о наличии какой-либо связи, быть может весьма отдаленной, между миссис Ллойд Брунер и Федеральным бюро расследований?

– Конечно известно. Это всем известно. Она разослала миллион экземпляров книги Фреда Кука самым разным людям, включая нашего издателя и главного редактора. В последнее время это точно признание статуса. Но я, черт бы меня побрал, не получил книги! А вы?

– Нет. Свой экземпляр я купил. А вам известно о каких-либо ответных действиях со стороны Бюро? Учтите, наш разговор сугубо частный и конфиденциальный.

– Любое действие, которое они могут предпринять, также будет частным и конфиденциальным. Вам придется спросить самого Дж. Эдгара Гувера, если вам уже что-то не известно. Вам что-то известно?

– Да.

Лон вздернул подбородок:

– Ни черта вам не известно! А иначе они там у себя в ФБР даром едят свой хлеб.

– Это, естественно, ваша точка зрения. Вы ищете информацию, чтобы ее опубликовать, а я – из личного интереса. Хотя в данный момент я ищу информацию исключительно для того,

чтобы решить, в чем состоит мой личный интерес. В данный момент у меня нет ни клиента, ни принятых на себя обязательств. Но я должен внести ясность. Даже если я свяжу себя обязательствами и примусь за работу, то при любом раскладе, вероятно, не смогу снабдить вас информацией для печати. А если смогу, то непременно это сделаю. Впрочем, я сомневаюсь. Итак, мы вам что-то должны?

– Нет. Мы квиты. Скорее, я ваш должник.

– Хорошо. Тогда ловлю вас на слове. Зачем миссис Брунер разослала все эти книги?

– Без понятия. – Лон отхлебнул бренди, покатал напиток во рту и только потом проглотил. – Предположительно, решила поработать на благо общества. Я тоже купил пять экземпляров и отправил тем, кому не мешало бы ее прочесть, хотя они вряд ли это сделают. А один мой знакомый отправил тридцать экземпляров в качестве рождественских подарков.

– А вы, случайно, не знаете, нет ли у нее личной причины ненавидеть ФБР?

– Нет.

– Тогда, может, вы слышали какие-нибудь предположения на сей счет? Какие-нибудь догадки?

– Нет. Но у вас наверняка они есть. Послушайте, мистер Вулф, строго между нами, кто хочет вас нанять? Если я буду знать, то, быть может, смогу снабдить вас одним-двумя фактами.

Вулф налили себе еще кофе и поставил кофейник:

– Возможно, мне не предложат эту работу. А если и предложат, то не исключено, что вы никогда не узнаете, кто мой наниматель. Что касается фактов, я точно знаю, что мне нужно. Мне нужен список дел, которыми в последнее время занимались и занимаются федералы в Нью-Йорке и окрестностях. Вы можете мне его достать?

– Черта с два! Чтоб мне провалиться! Я думал, хотя это было слишком невероятно, но я все-таки думал, а скорее, спрашивал себя, возможно ли такое, чтобы Гувер попросил вас взять миссис Брунер в разработку. Будь я проклят, если это действительно вы! Значит, вы тоже собираетесь поработать на благо общества? – прищурился Лон.

– Нет. И не уверен, что займусь этим в частном порядке. Я пока думаю. Так вам известно, как я могу получить этот список?

– Никак. Конечно, кое-какая их деятельность стала достоянием гласности. Например, кража драгоценностей из Музея естественной истории или обнаружение банковского грузовика в той церкви в Джерси-Сити – полмиллиона долларов мелкими купюрами. Однако основная часть их деятельности отнюдь не публична. Вы ведь читали книгу. Разговоры, конечно, идут, разговоры всегда идут, правда все не для печати. Это может вам пригодиться?

– Не исключено, особенно если речь идет о чем-то подозрительном, вероятно незаконном. Ну так как?

– Само собой. Говорить о том, что не является подозрительным, скучно. – Лон снова бросил взгляд на часы. – У меня есть двадцать минут. Если мне налью еще немного бренди, все останется сугубо между нами. Если вы собираетесь заняться тем, о чем я думаю, тогда я в игре. – Он повернулся ко мне. – Арчи, тебе понадобится блокнот.

Лон ушел двадцать минут спустя, когда его коньячный бокал снова опустел, а я исписал пять страниц. Я не стану знакомить читателя с содержанием сделанных записей, поскольку из них мало что пригодилось; кроме того, это вряд ли понравится упомянутым там людям. Проводив Лона, я вернулся в кабинет. Все мои мысли были заняты не записями в блокноте, а исключительно Вулфом. Неужели он действительно обдумывает это предложение? Нет. Невозможно. Вулф просто убивал время, пытаясь меня позлить. Вопрос только в том, как это обыграть. Вулф наверняка ожидает, что я от злости полезу на стенку. Поэтому я с широкой ухмылкой подошел к своему столу и сказал:

– Было забавно.

С этими словами, вырвав пять листков из блокнота, я разорвал их пополам и собрался продолжать начатое, но меня остановил рев Вулфа:

– Сейчас же прекрати!

Я приподнял одну бровь – трюк, который никогда не удавался Вулфу.

– Прошу прощения. – Я буквально излучал дружелюбие. – Хотите оставить на память?

– Нет. Сядь на место, пожалуйста.

– Итак, я что-то упустил? – сев за свой стол, спросил я.

– Сомневаюсь. Это на тебя не похоже. Гипотетический вопрос. А что, если я сообщу тебе, что решил отставить те сто тысяч долларов? Что скажешь?

– То, что вы уже сами сказали. Абсурд.

– Ну это понятно. Продолжай.

– Выкладывать все?

– Да.

– Я бы посоветовал вам продать особняк со всем его содержимым и переехать в дом престарелых, поскольку вы явно рехнулись. Если только вы не собираетесь надуть миссис Брунер, расслабьтесь и оставьте это дело.

– Нет.

– Значит, вы точно рехнулись. Вы ведь прочли книгу. Мы даже не сможем начать. Ведь вам как-никак нужно сделать так, чтобы ФБР отстало, да еще закрепить успех. Бред! Можно просто поднять шум, что вряд ли поможет делу. Вам придется загнать в угол всю банду, не имея на руках никаких козырей. Ну ладно, положим, мы попробуем начать. Возьмем одно из этих дел... – Я постучал пальцем по вырванным из блокнота страницам. – И попробуем копнуть. Тогда с данной минуты, всякий раз выходя из дому, я буду тратить время, чтобы уйти от профессиональной слежки. Ладно, допустим, мы попробуем начать. Каждый, кто хоть как-то с нами связан, окажется на крючке. Наш телефон будет прослушиваться. Так же, как и все остальные: телефоны мисс Лили Роуэн, Сола, Фреда и Орри, независимо от того, привлечем мы их или нет. И конечно, телефон Паркера. Возможно, они захотят состряпать против нас липовое дело, хотя, возможно, и нет. Но если его все-таки состряпают, это, наверное, к лучшему. Мне придется ночевать здесь, в кабинете. Окна и двери, даже на цепочке, для них – пара пустяков. Они будут просматривать нашу почту. Я не преувеличиваю. Что именно они предпримут, будет зависеть от обстоятельств. Впрочем, они способны на все. В их распоряжении любые имеющиеся технические средства, включая те, о которых я в жизни не слышал.

Я закинул ногу на ногу:

– Нам никогда не добежать до первой базы. А если, допустим, мы преуспеем и вобьем клин в какую-нибудь трещину, вот тогда они и начнут действовать. В их распоряжении шесть тысяч хорошо обученных человек, лучших из лучших, и бюджет в триста миллионов долларов в год. Мне, пожалуй, стоит поискать в словаре более емкое слово, нежели «абсурд».

Я принял прежнее положение:

– И как насчет миссис Брунер? Не верю, что она просто раздражена. Один к двадцати, что она до смерти напугана. Она знает, что на нее есть какой-то компромат, а если не на нее, то на сына, дочь, брата или даже на покойного мужа, и она боится, что федералы что-нибудь нароют. Она понимает, что они не просто так за ней следят. Нет, они хотят ударить ее побольнее и тем самым нивелировать эффект книги. Что касается ста штук, то для миссис Брунер это семечки. В любом случае для ее налоговой категории такие деньги – просто мелочь. – Я снова закинул ногу на ногу. – Вот то, что я мог бы сказать.

– Последняя часть была совершенно лишней, – пробурчал Вулф.

– Я частенько болтаю лишнее. Это сбивает с толку.

– И постоянно дрыгаешь ногами.

– Что тоже сбивает с толку.

– Вздор! Ты дергаешься, и это неудивительно. Арчи, мне казалось, я тебя знаю, но сейчас ты предстал передо мной с новой стороны.

– Ничего нового. Просто чутье.

– Не просто чутье, а скорее собачий нюх. Ты сучишь ногами исключительно потому, что поджал хвост. В сущности, ты сказал следующее. Мне, Ниро Вулфу, предложили работу с огромным авансом, неограниченной суммой накладных расходов и окончательного гонорара, но я должен отказаться. И отказаться я должен не потому, что работа сложная или, возможно, невыполнимая – я не раз брался за невыполнимые задачи, – а потому, что это придется не по вкусу одному человеку, стоящему во главе некой организации, и он будет мстить. Я отказываюсь от работы, потому что боюсь за нее взяться. Я скорее поддамся угрозам, нежели...

– Я этого не говорил!

– Но подразумевал. Ты трусил. Ты запуган. И, должен признаться, не без причины. У многих высокопоставленных лиц при одной мысли об этом человеке точно так же дрожат поджилки. Возможно, и у меня тоже дрожали бы, если бы речь шла лишь о том, браться за работу или нет. Нет, я не стану возвращать чек на сто тысяч долларов лишь потому, что испугался какого-то бандита. Я слишком себя уважаю. Предлагаю тебе взять бессрочный отпуск. Оплачиваемый. Что-что, а это я могу себе позволить.

Я снова поставил ноги ровно:

– Начиная с сегодняшнего дня?

– Да, – мрачно проронил Вулф.

– Записи зашифрованы моим личным кодом. Мне их перепечатать?

– Нет. Это тебя скомпрометирует. Придется еще раз повидаться с мистером Козном.

Закинув руки за голову, я внимательно посмотрел на Вулфа:

– Я по-прежнему настаиваю на том, что вы рехнулись. И категорически не согласен с тем, что поджал хвост, так как сидел нога на ногу. Да и вообще, хотелось бы посмотреть, как вы справитесь без меня. Но после того как мы столько лет плавали в одной лодке, было бы свинством дать вам утонуть в одиночку. Если меня вконец запугают, я дам вам знать. – Я взял со стола разорванные страницы. – Так вы хотите, чтобы я это перепечатал?

– Нет. Расшифруешь лишь то, что потребуется.

– Хорошо. У меня предложение. Учитывая ваш боевой настрой, хотите объявить войну, позвонив клиентке? Она оставила номер телефона, который нигде не указан. И наверняка тоже прослушивается. Соединить вас с ней?

– Да.

Я взял телефон и набрал номер.

Глава 3

Около полуночи, перед тем как лечь спать, я отправился на кухню проверить, запер ли Фриц заднюю дверь, и с удовольствием увидел в миске на плите жидкое тесто для гречишных оладий. В сложившейся ситуации хрустящий тост или слоеный круассан были бы неуместны. Итак, спустившись в среду после девяти утра на первый этаж, я заранее знал, что меня ждет праздник живота. Когда я вошел на кухню, Фриц включал конфорку под сковородкой. Поздоровавшись, я взял из холодильника апельсиновый сок. Вулф, которому Фриц обычно приносил завтрак прямо в спальню, уже удалился в оранжерею на крыше, чтобы, как всегда, провести два утренних часа с орхидеями; я слышал звук поднимавшегося лифта. Подойдя к накрытому для завтрака кухонному столу у стены, я поинтересовался у Фрица, нет ли чего новенького.

– Есть, – ответил он. – И ты должен объяснить мне, в чем дело.

– Ой, а разве он тебе не сказал?

– Нет. Он только велел постоянно запираť двери и окна и сказал, что я должен быть... Что значит «бдительный»?

– А то, что ты должен проявлять осторожность. И не говорить по телефону ничего такого, чего бы ты не хотел увидеть в газете. И когда будешь выходить из дому, ты не должен делать ничего такого, чего не хотел бы потом увидеть по телевизору. Например, твоих подружек. Держись от них подальше. Отрекись от них. Подозревай всех незнакомцев.

Фриц не хотел и не стал разговаривать, пока оладьи не прибрели нужный коричневый оттенок. И, лишь поставив передо мной тарелку с первыми двумя смазанными маслом оладьями и колбасой, он произнес:

– Арчи, я хочу знать. Я имею право знать. Он сказал, ты все объяснишь. *Bien*. Я настаиваю.

Я взял вилку:

– Ты ведь знаешь, что такое ФБР.

– Само собой. Мистер Гувер.

– Он именно так и думает. По просьбе клиента мы собираемся щелкнуть его по носу. Самое заурядное дело, но он в силу своей обидчивости попытается нас остановить. Бесполезно. – Я положил кусочек оладьи туда, где ему следовало быть.

– Но ведь он... он очень большой человек. Да?

– Естественно. Думаю, ты видел его фотографии?

– Да.

– Как тебе его нос?

– Некрасивый. Не просто *épaté*¹, а широкий. Что не есть *bien fait*².

– Тогда хороший щелчок ему не повредит. – Я подцепил вилкой кусок колбасы.

Когда я поел и ушел в кабинет, Фриц уже полностью расслабился. Значит, с едой у нас все будет в порядке, по крайней мере сегодня. Вытирая пыль с письменных столов, отрывая листки календарей, вскрывая почту, в основном рекламный мусор, я обдумывал некий эксперимент. Если набрать какой-нибудь номер, скажем Паркера, можно будет определить, прослушивают нас или нет. Хотелось бы узнать, успели ли федералы отреагировать на звонок миссис Брунер. Однако я подавил свой порыв, поскольку собирался действовать строго по инструкции. Итак, я вынул из ящика письменного стола карманный блокнот и еще кое-что, достал из сейфа чек от миссис Брунер, предупредил Фрица, что не приду на ланч, снял с вешалки в прихожей пальто со шляпой и закрыл за собой входную дверь.

---

¹ Приплюснутый (*фр.*).

² Благо (*фр.*).

Я неторопливо пошел в восточном направлении. Обнаружить за собой наружку, даже очень профессиональную, – плевое дело, особенно в зимний день, когда холодный, порывистый ветер резко уменьшает плотность толпы на тротуарах. Более того, федералы наверняка знали, куда я направляюсь. Тогда к чему волноваться? В банке на Лексингтон-авеню я не без удовольствия заметил, как при виде чека округлились глаза кассира. Простые радости богатых людей. Выйдя снова на улицу, я повернул в сторону жилых кварталов. Мне предстояло пройти две мили, на часах было всего двадцать минут одиннадцатого, и я люблю ходить пешком, а если за мной увяжется топтун, хорошая прогулка пойдет на пользу его легким и ногам.

Четырехэтажное каменное здание на Семьдесят четвертой улице, между Мэдисон-авеню и Парк-авеню, было раза в два больше нашего особняка из бурого песчаника, но зато оно не было коричневым. Наружная дверь, три ступеньки вниз, была массивной, внутренняя же представляла собой просто металлическую решетку со стеклом. В дом меня впустил мужчина в черном; его тонкие губы расплылись в широкой улыбке, когда я назвал свое имя. Мужчина провел меня через холл к открытой двери слева, жестом пригласив войти.

Я оказался в кабинете, не слишком большом: картотечные шкафы, два письменных стола, сейф, заваленный всякой всячиной столик, на стене над столиком – увеличенная фотография Брунер-билдинг. Осмотревшись по сторонам, я не мог оставить без внимания лицо сидевшей за письменным столом молодой женщины, ореховые глаза которой смело встретились с моими.

– Меня зовут Арчи Гудвин, – представился я.

– А я Сара Дакос, – кивнула женщина. – Присаживайтесь, мистер Гудвин.

Она сняла трубку телефонного аппарата, нажала на кнопку, сообщила кому-то о моем приходе и, положив трубку, сказала, что миссис Брунер скоро спустится. Воспользовавшись приглашением сесть, я спросил:

– А как давно вы работаете у миссис Брунер?

– Мистер Гудвин, я знаю, что вы детектив, – улыбнулась Сара Дакос. – Вам нет нужды это доказывать.

– Я должен практиковаться. – Было приятно отвечать ей улыбкой на улыбку. – И как давно?

– Почти три года. Или вам нужны точные цифры?

– Быть может, чуть позже. Мне подождать миссис Брунер?

– Это необязательно. Она сказала, вы можете задать мне кое-какие вопросы.

– Тогда я именно так и сделаю. Чем вы занимались до поступления к миссис Брунер?

– Работала стенографисткой в «Брунер корпорейшн», а затем секретарем у мистера Томпсона, вице-президента корпорации.

– А вы когда-либо работали на правительство? Например, на ФБР?

– Нет, никогда, – улыбнулась она. – Мне было двадцать два, когда я устроилась в «Брунер корпорейшн». Сейчас мне двадцать восемь. Вы ничего не записываете!

– У меня все здесь. – Я постучал себя по лбу. – С чего вы взяли, что ФБР установило за вами наружное наблюдение.

– Я точно не знаю. Но, скорее всего, это ФБР. Кому еще нужно следить за мной?

– А вы твердо уверены, что за вами следят?

– Ой, абсолютно! Не то чтобы я ходила, постоянно оглядываясь, ничего подобного. У меня ненормированный рабочий день, и я ухожу с работы в разное время. И каждый раз, как я направляюсь к автобусной остановке, сзади пристраивается какой-то мужчина, который садится в автобус и выходит вместе со мной. Один и тот же мужчина.

– Автобус, который идет по Мэдисон-авеню?

– Нет, по Пятой авеню. Я живу в Гринвич-Виллидже.

– Когда они начали за вами следить?

– Точно не знаю. В первый раз я заметила его в понедельник после Рождества. Он здесь каждое утро и каждый вечер, когда я выхожу. Вот уж не думала, что это делается таким образом. Мне казалось, если вы за кем-нибудь следите, то наверняка не хотите, чтобы вас заметили.

– Все зависит от обстоятельств. Иногда вы, наоборот, хотите, чтобы на вас обратили внимание. Это называется открытым наружным наблюдением. Вы можете описать этого человека?

– Конечно могу. Он на шесть-семь дюймов выше меня, лет тридцати, может, чуть старше, у него лошадиное лицо с квадратным подбородком, длинный тонкий нос, маленький узкий рот. Глаза вроде серо-зеленые. Он постоянно носит шляпу, так что насчет его волос ничего конкретного сказать не могу.

– Вы когда-нибудь с ним разговаривали?

– Естественно, нет.

– А вы сообщили в полицию?

– Нет, адвокат не велел. Адвокат миссис Брунер. Сказал, что, если это ФБР, они всегда смогут объяснить это проверкой благонадежности.

– Ну да, они это могут. И практикуют. Кстати, это не вы, случайно, предложили миссис Брунер отправить разным людям экземпляры книги?

Она нахмурила лоб. Лоб был красивым и гладким.

– Ой, что вы! Я даже не читала ее. Прочла уже после.

– После того как за вами установили слежку?

– Нет. После того как она решила разослать все эти книги.

– А вам известно, кто ей это предложил?

– Вообще без понятия, – улыбнулась Сара Дакос. – Полагаю, это нормально, что вы меня спрашиваете. Вы ведь у нас детектив. Но, по-моему, правильнее было бы спросить миссис Брунер. Даже если бы я и знала, кто это предложил, не уверена, что...

Из холла донеслись торопливые шаги, и в кабинет вошла миссис Брунер. При ее появлении я встал, Сара Дакос тоже. Я двинулся навстречу хозяйке дома и, взяв протянутую мне руку, обменялся с миссис Брунер рукопожатием. А когда она села за свой письменный стол, перебрался на другой стул. Она небрежно оглядела кипу бумаг под пресс-папье, отодвинула ее в сторону и повернулась ко мне:

– Мистер Гудвин, по-моему, я должна сказать вам спасибо. Большое спасибо.

– Нет, вам не стоит меня благодарить, – покачал я головой. – Что, впрочем, не имеет значения, поскольку чек уже обналичен. Хотя я был против. Эта работа мне не по душе.

Я вынул из кармана то, что взял из ящика своего письменного стола и протянул миссис Брунер. Листок бумаги, на котором я напечатал:

Мистер Ниро Вулф

914, Западная Тридцать пятая улица

Нью-Йорк 1

6 января 1965 года

Дорогой сэр!

В подтверждение нашего вчерашнего разговора я сим уполномочиваю вас действовать в моих интересах для решения вопроса, который мы обсуждали. Я считаю, что Федеральное бюро расследований виновно в шпионаже за мной, моей семьей и моими знакомыми, предпринятом вследствие означенных причин, но на ком бы ни лежала ответственность, вы должны расследовать данное дело и приложить все усилия, чтобы это остановить. Вне зависимости от конечного результата я не стану предъявлять требования по возврату 100 000 долларов, оставленных вам в качестве аванса. Я согласна оплатить все накладные расходы, а в случае достижения вами

желательного для меня результата выплачу вам гонорар, размер которого вы определите сами.

(Миссис Ллойд Брунер)

Дважды перечитав текст, сперва бегло, затем каждое слово, она подняла на меня глаза:

– Вы хотите, чтобы я это подписала?

– Да.

– Не могу. Я ничего не подписываю, не посоветовавшись со своим адвокатом.

– Вы можете прочесть ему текст по телефону.

– Но мой телефон прослушивается.

– Я в курсе. Впрочем, существует призрачная вероятность того, что, если федералы узнают о вашем намерении выплатить Ниро Вулфу ничем не ограниченный гонорар, это охладит их пыл. Скажите об этом вашему адвокату. Не то чтобы федералы испытывали перед Вулфом благоговейный страх, они никого не боятся, хотя и много чего знают о Вулфе. Касательно последнего предложения, где говорится, что Вулф сам определит размер своего гонорара, там есть одна лазейка. А именно: фраза «в случае достижения нужного мне результата». Что, естественно, вы будете определять сами, а значит, вы не подписываете незаполненный чек. Ваш адвокат наверняка согласится.

Она снова перечитала текст, затем обратила на меня взгляд своих темно-карих глаз:

– Я не могу этого сделать. Мои юристы не знают, что я встречалась с Ниро Вулфом. Они не одобряют. Кроме мисс Дакос, никто ничего не знает.

– Тогда мы в тупике. – Я развел руками. – Послушайте, миссис Брунер, мистер Вулф не сможет взяться за дело без письменной договоренности. А что, если ситуация накалится и вы захотите выйти из игры, бросив его на произвол судьбы? А что, если вы попытаетесь хеджировать риски и в случае чего потребовать аванс назад?

– Я этого не сделаю. Мистер Гудвин, я не занимаюсь хеджированием.

– Хорошо. Тогда вперед. Подписывайте соглашение.

Она посмотрела на меня, потом на бумагу, затем перевела взгляд на мисс Дакос:

– Вот, Сара, сделай еще одну копию.

– У меня есть второй экземпляр. – Я вручил ей еще один экземпляр.

Разрази меня гром, она внимательно прочла и этот тоже! Похоже, ее здорово натаскал муж или юристы после его кончины. Прочитав, она взяла ручку, подписала оригинал и отдала мне.

– Так вот почему мистер Вулф отправил вас ко мне сегодня утром, – сказала она.

– Отчасти да, – кивнул я. – Он просил меня задать пару вопросов мисс Дакос относительно наружки, что я и сделал. Вчера я засек за вами хвост. Когда вы уехали, за вами последовала машина, почти вплотную. В ней сидели двое. Я узнал регистрационный номер машины. ФБР. Федералы хотели, чтобы вы знали. Начиная с этого момента нам не следует о чем-либо у вас спрашивать или что-либо вам говорить, если, конечно, не возникнет передышки. Но нам, вероятно, придется это делать, а потому нам нужно договориться. Так как вы читали книгу, вам должно быть известно, что такое «жучки». Вы находили в комнате «жучков»?

– Нет, не находила. Конечно, я об этом думала, и мы несколько раз общаривали комнату. Впрочем, я не уверена. Ведь им для этого нужно проникнуть внутрь, да? Чтобы спрятать «жучки»?

– Да. Если только электронщики не разработали нечто такое, о чем в книге не упоминалось, но я сильно сомневаюсь. Миссис Брунер, я отнюдь не собираюсь вас пугать, но, по моему, ваш дом сейчас не самое подходящее место для разговоров. На улице холодно, и все же немного свежего воздуха вам явно не повредит. Ну так что?

– Вот видите, мистер Гудвин. В собственном доме... Ну ладно. Ждите здесь. – Миссис Брунер встала с места и вышла из кабинета.

Сара Дакос посмотрела на меня с улыбкой:

– Вы вполне могли пройти наверх. Я не способна слышать через стены и даже замочные скважины.

– Разве? – Воспользовавшись удобным случаем, я оглядел Сару с головы до ног. Тем более что ее внешность радовала глаз. – А что, если на вас записывающее устройство? Есть только один способ это проверить, и он вам не понравится.

В ее ореховых глазах зажглись озорные искорки.

– Откуда вы знаете, что мне не понравится?

– Я хорошо знаю человеческую природу. Вы слишком деликатны. А иначе вы подошли бы к тому, кто за вами следил, и спросили бы у него, как его зовут и чего ему от вас нужно.

– Значит, по-вашему, мне следовало это сделать?

– Нет. Однако вы и не сделали. Могу я поинтересоваться. Вы танцуете?

– Иногда.

– Я бы узнал вас лучше, если бы вы потанцевали со мной. Я вовсе не рассматриваю возможность, что вы водите шашни с ФБР. Если бы они внедрились в вас сюда, им не нужно было бы вертеться возле миссис Брунер и ее семьи. Единственная причина, почему я...

И тут в дверях возникла миссис Брунер. Я не слышал ее шагов. Что очень плохо. Мисс Дакос была весьма привлекательной особой, хотя не настолько, чтобы я не услышал чьих-то шагов, даже во время разговора. Это могло означать лишь одно. Неприятие данной работы не позволило мне отдалиться ей целиком, что никуда не годилось. Стиснув зубы, я последовал за нашей клиенткой к выходу. Мужчина в черном открыл внутреннюю дверь, я открыл наружную. Оказавшись на холодном январском ветру, мы направились в сторону Парк-авеню, но дошли лишь до ближайшего угла.

– Нам будет намного удобнее разговаривать стоя, – сказал я. – Во-первых, давайте на всякий пожарный условимся насчет срочной связи. Сейчас абсолютно невозможно предсказать, что может произойти в ближайшее время. Не исключено, что нам с мистером Вулфом придется покинуть дом и залечь на дно. Если вы получите сообщение по телефону или как-то иначе, что пицца протухла, немедленно отправляйтесь в отель «Черчилль», где найдете некоего Уильяма Коффи. Он их местный детектив – помощник начальника охраны. Можете действовать открыто. Он передаст вам либо устное сообщение, либо посылку от нас. Пицца протухла. Отель «Черчилль», Уильям Коффи. Запоминайте. Ничего не записывайте.

– Не буду. – Миссис Брунер нахмурилась. – А вы уверены, что ему можно доверять?

– Да. Если бы вы лучше знали нас с мистером Вулфом, то не задавали бы подобных вопросов. Вы все поняли?

– Да. – Она подняла воротник шубки, на сей раз не из соболя, хотя не менее дорогой.

– Отлично. А теперь договоримся, как вы будете связываться с нами при наличии информации не для посторонних ушей. Итак, вы идете в телефонную будку, набираете номер Вулфа и говорите любому, кто подойдет к телефону, что Фидо заболел, больше ничего, и сразу вешаете трубку. Через два часа отправляетесь в отель «Черчилль» к Уильяму Коффи. Само собой, это на случай чего-то такого, чего они не должны знать. О том, что федералы сделали или уже знают, можете говорить открыто. В остальных случаях Фидо заболел.

Миссис Брунер продолжала хмуриться:

– Ведь они узнают об Уильяме Коффи сразу после того, как я к нему отправлюсь.

– Мы можем использовать этого связного только один раз. Предоставьте все нам. Миссис Брунер, вы практически вышли из игры. Мы будем работать для вас, но не против вас. Возможно, нам вообще не понадобится устанавливать с вами непосредственный контакт. Как я говорил, это всего лишь меры предосторожности на всякий пожарный. Но есть кое-что, что нам необходимо знать. Вы сказали, что явились к Вулфу и выписали ему чек на шестизначную цифру, так как были раздражены. В это трудно поверить, хотя у богатых свои привычки.

Предположим, у вас есть свои скелеты в шкафу, и теперь вы боитесь, что их откопают федералы. Если я прав, мы должны знать. Не ваш секрет, а насколько это срочно. Они подобралась достаточно близко, да?

На миссис Брунер обрушился порыв ветра, и она зябко поежилась.

– Нет. – Ветер отнес ее ответ в сторону, и она повторила уже громче: – Нет.

– И тем не менее это не лишено вероятности.

Она подняла на меня прищуренные от ветра глаза:

– Мистер Гудвин, давайте оставим эту тему. Полагаю, в каждой семье есть... свои скелеты в шкафу. Возможно, я не учла все риски, когда рассылала книги. Но я это сделала и ни капли не жалею. Насколько мне известно, они ни к чему такому не подобралась достаточно близко. Пока еще нет.

– И это все, что вы хотите мне сказать?

– Да.

– Ладно. Если и когда вы захотите рассказать больше, вам известно, что делать. Что произошло?

– Пицца.

– Кто заболел?

– Фидо.

– Как зовут нашего человека?

– Уильям Коффи. Отель «Черчилль».

– Неплохо. Пожалуй, вам лучше вернуться домой, вы вконец продрогли. Возможно, в один прекрасный день мы снова встретимся, хотя бог его знает когда.

Она дотронулась до моей руки:

– Что вы собираетесь делать?

– Озираться по сторонам. Сновать туда-сюда. Подглядывать.

Миссис Брунер собралась было что-то сказать, но передумала, а потому просто повернулась и ушла. Я проводил ее взглядом до дверей дома, после чего двинулся в западном направлении. Не имело смысла рассматривать проезды между зданиями или окна, но я уделил внимание припаркованным машинам. Вскоре я обнаружил на своей стороне Мэдисон-авеню автомобиль с двумя мужчинами на переднем сиденье. Я остановился. Они сделали вид, будто не смотрят в мою сторону: именно так, как их и учили в Вашингтоне. Я слегка попятился и, вынув блокнот, записал регистрационный номер автомобиля. Если федералы хотят действовать открыто, то чем я хуже? Они продолжали демонстративно меня не замечать, и я пошел дальше.

Я шагнул вперед по Мэдисон-авеню, особо не заморачиваясь поисками хвоста, поскольку накануне вечером уже договорился по телефону со знакомым таксистом по имени Ал Голлер. Мои часы показывали 11:35, оставалась еще уйма времени, и я то и дело останавливался поглазеть на витрины. На углу Шестидесят пятой улицы я вошел в аптеку с прилавком для ланча и, сев ближе к выходу, заказал сэндвич с солониной на ржаном хлебе и стакан молока. У Вулфа никогда не подают к столу ни солонины, ни ржаного хлеба. Покончив с сэндвичем, я заказал кусок яблочного пирога и кофе. Допив в 12:27 вторую чашку кофе, я развернулся на табурете и посмотрел в окно. В 12:31 перед аптекой остановилось коричнево-желтое такси, и я двинулся к выходу, хотя и недостаточно быстро, поскольку путь мне преградила какая-то дама, которую пришлось обгонять. Я сел в такси, Ал выставил табличку «Окончание смены», и мы поехали.

– Надеюсь, мы уходим не от копов, – бросил через плечо Ал.

– Нет. От арабов на верблюдах. Сворачивай время от времени за угол. Вероятность погони крайне невелика, но нужно держать ухо востро. Прости, что я буду к тебе спиной. – Я повернулся к заднему стеклу проследить, нет ли за нами хвоста.

Спустя шесть поворотов и десять минут мне стало ясно, что все чисто, и я велел Алу ехать на пересечение Первой авеню и Тридцать шестой улицы. Там я дал ему десять баксов и

попросил подождать двадцать минут, после чего сваливать, если я не вернусь. Пяти долларов было более чем достаточно, но наша клиентка точно не обеднеет, а Ал, возможно, понадобится нам еще. И не один раз. Миновав полтора квартала, я вошел в здание, которого еще три года назад здесь не было, справился с указателем на стене вестибюля – фирма «Эверс электроникс» располагалась на восьмом этаже – и сел в лифт.

Фирма занимала целый этаж. Стол администратора находился прямо возле лифта, но на сей раз администратором оказалась не привлекательная особа женского пола, а здоровенный бугай с квадратным подбородком и колючими глазами. Я подошел к нему и сказал:

– Будьте добры, мне нужен мистер Адриан Эверс. Меня зовут Арчи Гудвин.

Он мне не поверил. Впрочем, он не поверил бы, даже если бы я сказал, что сегодня шестое января.

– Вам назначено? – спросил он.

– Нет. Я работаю на Ниро Вулфа, частного детектива. У меня есть кое-какая информация для мистера Эверса.

Этому он тоже не поверил.

– Вы сказали, что работаете на Ниро Вулфа?

– Ну да. Мне что, поклясться на Библии?

Даже не соизволив ответить мне отказом, администратор повернул к себе телефон, что-то сказал в трубку, внимательно выслушал ответ, положил трубку и коротко кивнул:

– Ждите здесь.

Похоже, он решал, стоит ли лично проводить меня к мистеру Эверсу. Желая продемонстрировать, что мне, собственно, наплевать, я повернулся спиной и принялся изучать висевшую на стене фотографию приземистого двухэтажного здания с подписью под ней «Завод „Эверс электроникс“ в Дейтоне». Я успел сосчитать практически все окна на фасаде здания, когда дверь распахнулась и возникшая на пороге женщина велела мне следовать за ней. Мы прошли по коридору и, завернув за угол, оказались перед дверью с табличкой «Мистер Эверс». Женщина открыла дверь, я вошел.

Эверс, сидевший за столом в простенке между окнами, ел сэндвич. Сделав два шага вперед, я сказал:

– Не хотелось бы отрывать вас от ланча.

Он как ни в чем не бывало продолжал жевать, оценивающе разглядывая меня сквозь стекла очков без оправы. У него было маленькое аккуратное лицо, настолько непримечательное, что так сразу и не запомнишь. Прожевав, он глотнул кофе из бумажного стаканчика:

– Меня то и дело отрывают. Что там насчет Ниро Вулфа и информации? Что за информация? – Он снова отправил в рот кусок сэндвича. Копченая лососина на поджаренном белом хлебе.

Я подошел к письменному столу и сел в стоявшее рядом кресло:

– Возможно, она у вас уже есть. Это связано с правительственным заказом.

– А разве Ниро Вулф работает на правительство? – прожевав, спросил Эверс.

– Нет. Он действует в интересах частного лица, которого заинтересовал тот факт, что после проверки в целях безопасности одного из ваших сотрудников правительство расторгло или вот-вот расторгнет контракт с вашей фирмой. Это вопрос, относящийся к сфере общественных интересов.

– А кто ваш клиент?

– Я не могу назвать его. Дело сугубо конфиденциальное...

– Скажите, это кто-то связанный с нашей компанией?

– Нет, никоим образом. Мистер Эверс, как я уже сказал, это вопрос, который представляет общественный интерес. Вы должны понимать. Если право проводить проверку в целях безопасности реализуется с попранием личных или имущественных прав граждан, то вопрос

выходит за рамки частного. Клиент мистера Вулфа весьма обеспокоен данным аспектом. Все, что вы мне скажете, останется строго между нами и будет использовано исключительно с вашего разрешения. Вы, конечно, не хотите потерять контракт, похоже весьма крупный, но, как гражданин, вы не можете мириться с несправедливостью. С точки зрения клиента мистера Вулфа, в этом и состоит суть дела.

Мистер Эверс положил на стол сэндвич, скорее то, что от него осталось, и впился в меня глазами:

– Вы сказали, у вас есть информация. Какая именно?

– Насколько нам известно, вы не знали о том, что контракт будет расторгнут.

– Это знают не меньше сотни людей.

– Очевидно, поводом для расторжения стал тот факт, что проверка вашего старшего вице-президента выявила кое-какие факты из его личной жизни. Откуда, естественно, вытекают два вопроса: насколько точны эти так называемые факты и делают ли они вашего сотрудника или вашу компанию угрозой национальной безопасности? Вы не находите, что с ним, да и с вами тоже обошлись несправедливо?

– Что еще?

– У меня все. Мистер Эверс, полагаю, этого вполне достаточно. Не хотите обсуждать вопрос со мной, можете обсудить его с мистером Вулфом. Если вы ничего не слышали о его репутации и общественном положении, наведите справки. И если вы извлечете выгоду из каких-либо его действий, он не станет требовать от вас платы. Он не ищет новых клиентов, у него уже есть один.

Мистер Эверс продолжал хмуриться:

– Ничего не понимаю. Ваш клиент – это газета?

– Нет.

– Журнал? «Тайм»?

– Нет. – Я решил слегка расширить свои полномочия. – Могу только сказать, что мой клиент – частное лицо, которое считает, что ФБР слишком много на себя берет.

– Я вам не верю. И мне все это чертовски не нравится. – Он нажал на кнопку звонка на письменном столе. – Вы что, из ФБР?

Я ответил «нет» и собрался было продолжить разговор, но тут дверь отворилась и в кабинет вошла женщина – та самая, что впустила меня сюда.

– Мисс Бейли, проводите этого человека. Прямо до лифта! – рявкнул Эверс.

Я запротестовал. Сказал, что если мы обсудим вопрос с Ниро Вулфом, то ничего страшного не случится. На худой конец Эверс просто потеряет контракт, хотя контракт он и так, очевидно, уже потерял, а если есть хотя бы минимальный шанс его сохранить, то...

Однако, когда Эверс нажал на кнопку уже другого звонка, выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Факир был пьян, и фокус не удался. Встав с места, я вышел из кабинета, сопровождаемый по пятам мисс Бейли, и в приемной обнаружил, что сегодня точно не мой день. Не успел я туда войти, как дверь лифта открылась и из него вышел мой старый знакомец. Около года назад работая над одним делом, я общался с федералом по фамилии Моррисон. И вот, поди ж ты, он передо мной собственной персоной! Наши глаза встретились. Он протянул мне руку:

– Так-так-так. Неужели Ниро Вулф начал пользоваться электроникой?

Я ответил ему теплым рукопожатием и широко ухмыльнулся:

– Ой, мы стараемся идти в ногу со временем! Собираемся оснастить «жучками» некое здание на Шестьдесят девятой улице. – Я шагнул в сторону лифта и нажал на кнопку. – Вот, изучал последние модели.

Моррисон рассмеялся из вежливости и сказал, что, похоже, теперь им придется шифроваться.

Дверь лифта открылась, я вошел внутрь. Да, сегодня определенно был не мой день. И не то чтобы это имело большое значение, поскольку с Эверсом я так или иначе ничего не добился. Впрочем, всегда неприятно, когда приходится топтаться на месте, и, ей-богу, мы еще никогда так остро не нуждались в прорыве, как сейчас. Оказавшись на улице, я свернул в сторону центра, но на сей раз не летел домой как на крыльях, а тяжело ступал по холодному тротуару.

Прошло больше двадцати минут, и Ал уже успел уехать. Однако в этот час на Первой авеню полно такси. Я поймал машину и назвал таксисту свой адрес.

Глава 4

Вечером той среды, измученный и упавший духом, я поднялся без четверти одиннадцать на крыльцо старого особняка из бурого песчаника и позвонил в дверь. Дверь была закрыта на цепочку, и своими ключами я воспользоваться не мог. Впустив меня в дом, Фриц спросил, не желаю ли я, чтобы он подогрел утку карри, а я в ответ раздраженно буркнул «нет». Сняв пальто и шляпу, я прошел в кабинет. Наш крупногабаритный гений удобно расположился за письменным столом в кресле – изготовлено по спецзаказу для человека весом одна седьмая тонны, – погрузившись в чтение книги Линкольна Барнетта «Сокровище нашего языка»; рядом на подносе стояли бокал и бутылка пива. Я прошел к своему письменному столу и сел. Я знал, что Вулф не оторвется от книги, пока не дочитает до абзаца.

Что он и сделал. И даже заложил нужное место закладкой – тонкой полоской золота, подаренной много лет назад клиентом, которому подобная вещь была явно не по карману.

– Ты, конечно, уже пообедал, – констатировал Вулф.

– Нет, не пообедал. – Я закинул ногу на ногу. – Простите, что дрыгаю ногами. Я съел что-то очень жирное, вот только забыл, что именно, в какой-то тошнيلовке в Бронксе. Это было...

– Фриц разогреет утку и...

– Не разогреет. Я сказал ему, что не нужно. У меня сегодня выдался самый паршивый день в жизни, и я должен закончить его соответственно. Сейчас я дам вам полный отчет и отправлюсь спать, чувствуя во рту вкус жира. Во-первых...

– Проклятье! Ты должен поесть.

– Я сказал «нет». Интересы клиента превыше всего.

Итак, я дословно пересказал все разговоры и описал ход событий, включая двоих мужчин в припаркованной машине, номер которой я записал. В конце повествования я высказал свои соображения: а) проверять регистрационные номера машин – пустая трата времени; б) Сару Дакос можно смело вычеркивать или, по крайней мере, проверить позже; какие бы скелеты ни прятало в шкафу семейство Брунер, дверца, по мнению клиента, надежно заперта. Когда я протянул Вулфу документ, подписанный миссис Брунер, Вулф бросил на него небрежный взгляд и велел убрать в сейф.

Я так же подробно доложил о своем посещении офиса Эверса, включая, конечно, встречу с Моррисоном. И высказал мнение, что я повел себя не совсем правильно. Следовало сказать Моррисону, что мы располагаем секретной информацией, которой у него нет и не будет, а следовательно, могли бы способствовать тому, чтобы он не вылетел со службы, однако рассчитываем на услугу за услугу. Конечно, риск был велик, хотя Моррисон вполне мог расколоться. Вулф, покачивая головой, сказал, что это сделало бы нас слишком уязвимыми. Тогда я встал и, обойдя его стол, взял со стойки словарь, открыл его, нашел то, что мне нужно, и вернулся на место.

– Неспособный выдержать удар, – сказал я. – Плохо защищенный, имеющий слабые места. Вот что значит «уязвимый». Пожалуй, невозможно сделать нас еще более уязвимыми, чем мы сейчас. У меня ушел весь день, чтобы разыскать Эрнста Мюллера, которого обвиняли в том, что он переправлял краденое имущество через границы штата, но сейчас выпустили под залог. Этот Мюллер оказался еще хуже Эверса. Мюллеру пришла в голову шальная мысль начистить мне рожу, и он был не один, поэтому пришлось как-то реагировать, так что, возможно, я сломал ему руку. Тогда...

– Ты не пострадал?

– Только мои чувства. Итак, заправившись жирной едой, я отправился на поиски Джулии Фенстер, которую ложно или не ложно обвинили в шпионаже, судили, но оправдали. И я провел весь вечер в безуспешных поисках этой дамочки. Наконец я нашел брата Джулии, но

не ее саму, а он еще тот жук. Пожалуй, никто в мире не проводил настолько бездарно день, как я. Вот такие дела. А ведь этих троих мы отобрали для разработки как самых перспективных. Жду не дожусь, когда вы покажете ваш план на завтра. Я положу его под подушку.

– Бесплезно обсуждать что-то на пустой желудок. Если не утку, тогда, может, омлет?

– Нет.

– Икру? Мы получили фунт свежей.

– Вы отлично знаете, как я люблю икру. Но в данный момент не желаю оскорблять ее соседством со съеденным сегодня жиром.

Вулф налил себе пива, подождал, пока пена осядет на полдюйма, глотнул и, облизав губы, посмотрел на меня:

– Арчи, ты что, пытаешься склонить меня вернуть аванс?

– Нет. Я знаю, что это нереально.

– Тогда нечего попусту молоть языком. Тебе прекрасно известно, что мы взялись за работу, которая, если рассуждать логически, сама по себе абсурдна. Мы оба пришли к такому мнению. И крайне маловероятно, что наводки мистера Коэна окажутся нам полезны, за исключением, быть может, одной. При проведении любой операции что-то делается наобум святых. В нашем случае не что-то, а буквально все. Мы целиком и полностью зависим от превратностей судьбы. Мы можем только просить, а не командовать. У меня нет плана на завтра. Все зависело от сегодняшних результатов. Однако нельзя сказать, что сегодняшний день прошел бесплодно. Любая мелочь может подтолкнуть кого-то к более решительным действиям. Если не завтра, то на следующей неделе. Ты усталый и голодный. Проклятье! Съешь хоть что-нибудь.

– Как насчет завтрашнего дня? – покачал я головой.

– Мы обсудим это утром. Не сейчас. – Вулф снова открыл книгу.

Я встал, пнул ногой стул, взял со своего стола документ, положил его в сейф, после чего отправился на кухню налить стакан молока. Фриц уже лег спать. И тут до меня дошло: то, что оскорбительно для икры, не менее оскорбительно и для молока. Вылив молоко обратно в коробку, я взял чистый стакан, бутылку бурбона «Олд Сэнди», налил себе на три пальца и сделал хороший глоток. Бурбон отлично поладил со съеденным мной жиром, и я, проверив, хорошо ли заперта задняя дверь, прикончил бутылку, сполоснул стаканы, поднялся к себе в комнату, надел пижаму и переобулся в тапочки.

Я собрался было взять электрическое одеяло, но потом отбросил эту идею. Мужчина, оказавшийся в крайних обстоятельствах, не должен бояться трудностей. Со своей кровати я взял только подушку, а из стенного шкафа в холле – одеяла и простыни. Нагруженный постельными принадлежностями, я спустился в кабинет и, убрав диванные подушки, застелил диван простыней. Когда я разворачивал одеяло, у меня за спиной раздался голос Вулфа:

– Сомневаюсь, что это настолько необходимо.

– А я нет. – Я расстелил одеяло, затем – еще одно. – Вы ведь читали книгу. При желании они могут быть весьма оперативными. Они могут порыться в наших досье... И кстати, не забывайте о сейфе.

– Ба! Ты явно сгущаешь краски. Взломать сейф в доме, где есть люди?

– Им и не придется. Это уже вчерашний день. Вам не мешало бы обзавестись литературой по электронике. – Я подоткнул одеяло в ногах дивана.

Вулф отодвинул кресло, выпрямился, пожелал мне спокойной ночи и удалился, прихватив с собой «Сокровище нашего языка».

В четверг утром я еще лелеял слабую надежду, что, спустившись на кухню с пустым подносом для завтрака, Фриц передаст мне указание подняться к Вулфу для брифинга. Но не сбылось. А поскольку Вулф останется в оранжерее до одиннадцати, я занялся обычными делами, и к десяти часам все было в полном ажуре: постельные принадлежности уложены в стенном шкафу наверху, завтрак съеден, «Таймс» прочитана, почта распечатана и придавлена

пресс-папье на письменном столе Вулфа, а Фриц вразумлен. Вразумлен, но отнюдь не успокоен. У него сохранились яркие воспоминания, впрочем, как и у всех нас, о том, как пулеметы на крыше дома напротив обстреляли нашу оранжерею, разбили сотню стекол и уничтожили несколько тысяч орхидей³. Обнаружив, что я ночевал в кабинете, Фриц объяснил это тем, что мои окна выходят на Западную Тридцать пятую улицу, и не на шутку встревожился. Пришлось сказать, что я не беженец, а скорее страж, однако он не поверил ни единому моему слову.

После того как я разложил почту, оставалось лишь тупо убивать время. Был только один телефонный звонок: Фрицу звонил рыботорговец. Я прослушал весь разговор, но никаких признаков прослушки вроде бы не заметил, хотя она, безусловно, была. Да здравствует технический прогресс! Современная наука научилась таким штукам, что никто ничего не может с этим поделаться, но никто ни черта и не понимает, что происходит. Я достал из ящика блокнот и снова изучил секретную информацию, которую слил нам Лон Коэн, на предмет имевшихся возможностей. В списке было в общей сложности четырнадцать пунктов, и по крайней мере пять из них казались совершенно бесперспективными. Мы копнули три из имевшихся девяти, но безрезультатно. Я один за другим взвесил оставшиеся шесть. И решил, что самый перспективный, или менее бесперспективный, связан с женщиной, уволенной из Государственного департамента и принятой туда обратно. Я потянулся было к телефонному справочнику Вашингтона проверить, указан ли там ее номер телефона, но меня остановил звонок в дверь.

Я вышел в прихожую посмотреть через одностороннюю стеклянную панель во входной двери, рассчитывая увидеть какого-нибудь незнакомца, возможно двоих, решившихся на непосредственный контакт. Или, на худой конец, Моррисона. Однако на крыльце стоял наш старый знакомец доктор Волмер, имевший собственный кабинет в доме через квартал от нашего. Я открыл доктору дверь и поздоровался. Доктор вошел, впустив в прихожую порыв ледяного зимнего ветра. Закрыв дверь, я сказал, что если он ищет пациентов, то ему лучше обратиться к соседям, и протянул руку за его шляпой.

Доктор не стал снимать шляпы.

– Арчи, пациентов у меня хоть пруд пруди. Все кругом болеют. Но я только что получил для тебя сообщение по телефону. Мужчина, имени он не назвал, попросил лично передать тебе, что ты должен в одиннадцать тридцать быть в отеле «Вест-Сайд» на Двадцать третьей улице, номер двести четырнадцать, предварительно проверив, что за тобой нет хвоста.

Я удивленно поднял брови:

– Ничего себе сообщение.

– Я тоже так подумал. Он сказал, что ты посоветуешь мне держать язык за зубами.

– Ладно, советую. – Я посмотрел на часы: 10:47. – А что еще он сказал?

– Больше ничего. Просто сообщение. Сразу после просьбы передать его лично.

– Номер двести четырнадцать, отель «Вест-Сайд».

– Все верно.

– А какой у него был голос?

– Трудно сказать. Не высокий и не низкий. Обычный мужской голос.

– Хорошо, док. Большое спасибо. Можно попросить вас еще об одном одолжении? Мы проводим весьма хитроумную операцию, и вас наверняка засекли. Не исключено, что кто-нибудь захочет поинтересоваться, зачем вы приходили. Если будут спрашивать, вы можете...

– Я скажу, что вы позвонили и пожаловались на боль в горле.

– Нет. Вдвойне неверно. Он узнает, что с моим горлом все в порядке и никакого звонка не было. Наш телефон прослушивается. Проблема в следующем: если кто-нибудь догадается, что мы получаем через вас конфиденциальные сообщения, ваш телефон тоже поставят на прослушку.

---

³ Отсылка к роману Р. Стаута «Второе признание».

– Господи! Это ведь незаконно!

– Зато еще веселее. Если вас кто-нибудь спросит, можете разыграть возмущение и сказать, что это не его чертовое дело. Или вы можете, так и быть, пойти ему навстречу и сказать, что приходили измерить Фрицу кровяное давление. Нет, не пойдет. У вас нет с собой тонометра... Вы приходили...

– Я приходил взять у Фрица рецепт улиток по-бургундски. Так-то лучше. Не имеет отношения к моей профессии. – Доктор направился к двери. – Право слово, Арчи, операция действительно хитроумная.

Я согласился и снова поблагодарил доктора, а он, в свою очередь, попросил передать наилучшие пожелания Вулфу. Закрыв за Волмером дверь, я не стал задвигать засов, поскольку собирался уходить. Затем я отправился на кухню и сообщил Фрицу, что он только что дал доктору Волмеру рецепт улиток по-бургундски, после чего из кабинета позвонил по внутреннему телефону в оранжерею. Не хотелось верить, что федералы прослушивают и внутренний телефон. Трубку взял Вулф, и я ему все объяснил.

– У тебя есть хоть какое-то представление? – ворчливо спросил Вулф.

– Ни малейшего. Но это явно не ФБР. Им-то зачем? Возможно, наше деловое предложение кого-то расшевелило. Эверса, или мисс Фенстер, или даже Мюллера. Инструкции будут?

Вулф фыркнул и повесил трубку.

Обнаружить хвост и отделаться от него будет наверняка нелегко, и это потребует времени, а значит, если я не хочу опоздать на встречу, мне понадобится помощь. К тому же я должен был быть готов к отдаленной возможности, что Эрнст Мюллер, расстроенный тем, что ему выкрутили руку, решил со мной расквитаться. Я надел хранившуюся в ящике письменного стола наплечную кобуру и зарядил пистолет «марли» 38-го калибра. Впрочем, не мешало иметь под рукой и другие боеприпасы. Открыв сейф, я достал из резервного фонда штуку баксов потрепанными десятками и двадцатками. Конечно, тут имелись и другие засады. Так, например, меня могли сфотографировать в номере с обнаженной особой женского пола, или с трупом, или бог его знает с чем, но, похоже, придется нырнуть с головой в холодную воду.

Я вышел из дому без одной минуты одиннадцать. Не оборачиваясь, я направился к аптеке на углу Девятой авеню, нашел там телефон-автомат и набрал номер гаража на Десятой авеню, где стоял автомобиль Вулфа – «херон-седан». Том Халлоран, работавший в гараже вот уже десять лет, взял трубку не сразу, а когда ответил, я изложил ему программу действий. Он сказал, что будет готов через пять минут. Решив, что лучше дать ему не пять, а десять минут, я немного задержался у стойки с книгами в бумажной обложке. После чего направился обратно на Западную Тридцать пятую улицу, миновал старый особняк из бурого песчаника, свернул на Десятую авеню, прошел через офис гаража прямо к седану с включенным двигателем. Том уже сидел за рулем. Я залез назад, снял шляпу, свернулся калачиком на полу, и машина тронулась с места.

В этой модели «форда» вполне хватало места для ног, но не для туловища человека ростом шесть футов, и, не имея акробатических навыков, я ужасно страдал. Через пять минут я начал подозревать, что Том нарочно резко тормозит и дергает машину на поворотах, чтобы проверить мою выносливость. Когда у меня окончательно сдавило грудь и онемели ноги, Том остановился в последний раз, и я услышал его голос:

– Ладно, приятель. Все чисто.

– Проклятье! Тащи сюда домкрат.

Том расхохотался. Я освободил голову и плечи, затем, ухватившись за спинку сиденья, кое-как выкарабкался и надел шляпу.

Мы были на углу Двадцать третьей улицы и Девятой авеню.

– Ты уверен? – спросил я.

– Абсолютно. Все чисто.

– Превосходно. Но в следующий раз возьми карету «скорой помощи». Ты найдешь в углу кусок моего уха. Можешь оставить себе на память.

Я вылез из автомобиля. Том спросил, не нужно ли чего-нибудь еще, я ответил «нет», сказав, что отблагодарю его позже, и он уехал.

Отель «Вест-Сайд», расположенный в глубине квартала, строго говоря, нельзя было назвать грязной дырой, хотя многие именно так и считали. Отель все еще приносил доход, поскольку пару лет назад владельцы обновили фасад и отремонтировали холл. Я вошел и, проигнорировав всех окружающих, включая лысого коридорного, направился к лифту. Когда я поднялся на нужный этаж и подошел к ближайшей двери посмотреть номер, моя рука непроизвольно потянулась за «марли». Даже если меня поджидал сам Дж. Эдгар Гувер, один неверный шаг – и он вполне мог схлопотать пулю в лоб. Дверь номера 214, расположенного слева по коридору, оказалась закрыта. Часы показывали 11:33. Я постучал, услышал чьи-то шаги, дверь открылась. И я оцепенел, таращась на круглое красное лицо и грузную фигуру инспектора Кремера из убойного отдела.

– Ты вовремя, – пробурчал Кремер. – Входи.

Он посторонился, и я прошел в номер. Пока мой бедный мозг оправлялся от шока, я зафиксировал обстановку тренированным глазом: двуспальную кровать, комод с зеркалом, два кресла, стол с настольным календарем, который не мешало бы заменить, открытую дверь в ванную комнату. Положив пальто и шляпу на кровать, я испытал новое потрясение: одно из кресел было придвинуто к столу, на котором стояли коробка молока и стакан. Ей-богу, Кремер специально купил это для меня! Хотите верьте, хотите нет.

Кремер подошел к креслу с подлокотниками и спросил:

– Хвоста не было?

– Само собой. Я всегда следую инструкциям.

– Присаживайся.

Я сел в свободное кресло. Кремер перевел на меня взгляд колючих серых глаз:

– Телефон Вулфа прослушивается, да?

– Послушайте, – начал я, – вам прекрасно известно, как обстоят дела. Если бы я перечислил сотню имен наших абонентов, то вашего там точно не было бы. Молоко для меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.